

Сказанное, однако, не означает, что «Завещание» не могло быть написано под влиянием Гете. А с учетом лермонтовской пометы в копии — это действительно так. С той лишь существенной поправкой, что «Завещание» не перевод отдельного, конкретного произведения Гете и тем более строк из предсмертного письма Вертера, а общий отклик на художественный мир немецкого поэта. Это отклик на очень близкую Лермонтову гетевскую тему о смерти и бессмертии как слиянии с вечно живой природой. Мотив, нашедший свое совершенное выражение в позднем переводе-переложении Лермонтова «Ночной песни странника» Гете («Горные вершины...»).

Думается, что в комментариях к стихотворению Лермонтова «Завещание» ссылка на роман Гете должна быть опущена, как не получившая своего подтверждения. Сам же комментарий в этой его части мог быть таким: «Мотивы стихотворения, возможно, навеяны чтением Гете, на что указывает подзаголовок в копии: „Из Гете“. Однако указать конкретное произведение Гете, к которому восходит „Завещание“, не представляется возможным».

© А. Ю. Балакин, А. Г. Гродецкая

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК И. А. ГОНЧАРОВА «ПЕПИНЬЕРКА» (ИЗ МАТЕРИАЛОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ)

Особенность творческого пути Гончарова составляет исключительно долгий «допечатный» период. То, что предшествовало «Обыкновенной истории», многие годы оставалось неизвестным современникам писателя, за исключением опубликованного в 1848 году с авторской датой «1842» очерка «Иван Савич Поджабрин». Из первой печатной автобиографии (1858) Гончарова читатель узнал только о его ранних переводах Шиллера, Гете, Винкельмана, «отрывков некоторых английских романистов», позднее уничтоженных, и «переводах и переделках с иностранных языков нескольких статей различного содержания».¹ Во второй автобиографии (1867) наконец было раскрыто авторство опубликованного в «Телескопе» в 1832 году анонимного перевода двух глав романа Э. Сю «Атар Гюль». О начале своей литературной деятельности Гончаров и в переписке вспоминал редко и неохотно, ограничиваясь при этом общими сведениями и предпочитая говорить о «массах» переводов, нежели об оригинальных произведениях. Ни ранние стихотворения, ни повести «Лихая болезнь» (1838) и «Счастливая ошибка» (1839), помещенные на страницах рукописного журнала семьи Майковых «Подснежник» и альманаха «Лунные ночи», не упомянуты в его письмах ни разу. Полное забвение постигло бы и начатый в 1843—1844 годах роман «Старики», если бы не письма Вл. Андр. Солоницына, поощрявшего к писательству упорно не верившего в свое литературное призвание автора.² Самым информативным из всех автомемуарных

¹ См.: Русский художественный листок. 1859. № 14. 10 мая. С. 37—38. Сведения о «непубличных» литературных занятиях Гончарова в семействе Майковых и о написанных им повестях «домашнего содержания» не вошли в основной текст «Русского художественного листка» и общеизвестным фактом стали лишь после публикации А. Мазоном черного автографа первой автобиографии (Русская старина. 1911. № 10. С. 34—41), который позднее воспроизводился во всех собраниях сочинений Гончарова.

² См.: Груздев А. И. 1) В. А. Солоницын о неизвестном романе И. А. Гончарова // Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 108—114; 2) К вопросу о замысле романа И. А. Гончарова «Старики» (письмо В. А. Солоницына к И. А. Гончарову) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 332—335.

гончаровских признаний остается признание в том, что «кипами исписанной бумаги» он в молодые годы «топил печки».³

На этом безрадостном фоне исключение составляла «Пепиньерка». Упоминание о ней сохранилось в одном из гончаровских писем. «Вы недавно спрашивали меня о „Пепиньерке“, — обращался к Елизавете Васильевне Толстой 8 сентября 1855 года серьезно увлеченный ею писатель, — вот она. Я с трудом отрыл ее в куче старых моих рукописей. Посмотрите, как она побледнела и выцветла — точь-в-точь как и в моей памяти. Теперь я больше люблю классных дам, и то не настоящих, а будущих. Едва ли Вы прочтете две первые страницы. Когда минует надобность, возвратите мне рукопись (...)».⁴

И это все, что было известно о «выцветшей» рукописи, сама же она до сих пор считалась утраченной. Загадочной фигурой оставалась и упомянутая в том же письме «Екат. Фед. П.». Естественно, вокруг пропавшей рукописи возникли гипотезы. П. Н. Сакулин, публикуя впервые письма Гончарова к Толстой, предположил, что сюжет «Пепиньерки» связан с увлечением писателя В. Л. Лукьяновой, «красивой смольнянкой», которая до начала 1850-х годов была гувернанткой в доме сестры писателя А. А. Кирмаловой, позднее — классной дамой в Николаевском сиротском институте. «Гончаров вел с нею переписку и в Петербурге часто виделся с ней; ее портрет в бархатной раме стоял у него на столе».⁵ Присвоив эту гипотезу, украсив ее чувствительными подробностями, Б. Чельшевский познакомил с историей «повести, написанной по первым впечатлениям большого и светлого чувства» Гончарова к Варваре Лукиничне Кульяновой (так!), читателей «Учительской газеты».⁶ Ближе к истине подошел Н. Г. Евстратов: опираясь на данные переписки Майковых начала 1840-х годов, он связал содержание утраченного произведения Гончарова с его посещениями Екатерининского института и предположил, что «Пепиньерка» могла быть той самой «комедией», о чтении которой в институте Вл. Ап. Солоницын сообщал Ап. Майкову в письме от начала марта 1843 года.⁷ «Скучно, брат, мы проводим время, — признавался он в этом письме, — праздник не в праздник; дорожка в институт почти заглохла, изредка зайдешь туда, да хоть бы и не ходить. Недавно мы еще были там втроем: Иван Александрович, Валерушка (Валериан Майков. — А. Б., А. Г.) и я. Первый читал свою комедию, в которой очень недурно изображены все наши институтские плутни. Надо сказать, что себя он не пощадил более всех, но, как кажется, комедией остались недовольны, натурально, с женской стороны (...)».⁸ «Так как комедия не сохранилась, — писал исследователь, — и о содержании ее ничего неизвестно, мы можем сказать о ней только то, что это было произведение еще более „домашнее“, чем „Лихая болесь“. Но это обстоятельство не мешало „Пепиньерке“ быть нравоописательной комедией с возможно метко схваченными чертами институтского быта и воспитания (...) таланту Гончарова, как он раскрылся потом в романах, было несомненно присуще комедийное мастерство».⁹

³ Из письма в. кн. Константину Константиновичу от января 1884 года (И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. К. Р. Стихотворения, драма / Сост., вступ. ст., подг. текста, комм. Е. К. Демиховской, О. А. Демиховской. Псков, 1993. С. 34).

⁴ Гончаров и Е. В. Толстая // Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна. Повесть. Избранные письма. Псков, 1992. С. 86.

⁵ Сакулин П. Новая глава из биографии Гончарова // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 51. См. также комментарий Л. С. Гейро к публикации писем Гончарова к С. А. Никитенко (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 199).

⁶ Чельшевский Борис. Пропавшая рукопись // Учитель. газ. 1962. № 71. 16 июня. Перепечатано с уточнениями: Чельшевский Б. Д. В поисках редких книг. М., 1970. С. 46—50.

⁷ См.: Евстратов Н. Г. Гончаров на путях к роману: (К характеристике раннего творчества) // Учен. зап. Уральск. пед. ин-та. 1955. Т. 11. Вып. 6. С. 201—203.

⁸ ИРЛИ. № 17370. Л. 17. Письмо Вл. Ап. Солоницына без даты, датируется по содержанию; частично опубликовано (см.: Евстратов Н. Г. Указ. соч. С. 201; Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 22).

⁹ Евстратов Н. Г. Указ. соч. С. 202—203.

Найденная в архиве А. В. Никитенко рукопись «Пепиньерки»¹⁰ позволила снять завесу загадочности с этой небольшой, но характерно гончаровской вещи. Увы, обнаружен не автограф, а только копия, и руку переписчика (или переписчицы) определить не удалось. В тексте рукописи имеется несколько карандашных помет и поправок стилистического и уточняющего характера, принадлежащих, возможно, ее читательнице (Е. В. Толстой?). Под текстом стоит авторская дата: «Декабрь 1842 г.» — и подпись: «Старый блаженный». Рядом с подписью вписано и густо затушено слово; на первом листе под заглавием сохранилась часть посвящения: «Посвящается пепиньеркам», и далее три слова стертые.

Как и предполагал Евстратов, «Пепиньерка» связана с Екатерининским институтом.¹¹ В начале 1840-х годов Гончаров регулярно посещал «пятницы» в институте вместе со старшими и младшими Майковыми, дядей и племянником Солоницыными, С. С. Дудышкиным, Я. А. Щеткиным и другими участниками майковского кружка.¹² Здесь с октября 1839 года старшей классной дамой (затем инспектрисой) при пепиньерском классе¹³ состояла Наталья Александровна Майкова (1809—1871), вдова Валериана Аполлоновича Майкова (1805—1837), брата Николая Аполлоновича, дочь известного баснописца, издателя «Благонамеренного» А. Е. Измайлова. «Дама превосходно образованная и воспитанная, одаренная внешними прекрасными качествами и остроумием», по отзыву А. В. Старчевского,¹⁴ Наталья Александровна пробовала силы в литературе: ей принадлежат стихи в рукописном журнале Майковых «Подснежник»¹⁵ и, кроме того, перевод «Истории средних веков» де Мишеля (2 ч. СПб., 1837).¹⁶ Как сама инспектриса, так и ее «избранные» подопечные были в доме Майковых желанными гостями, а их семейный архив

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 205. № 19570. В 1994 году А. В. Лобкаревой была опубликована опись гончаровских рукописей и писем из «Каталога архива Никитенко», в которой значилось: «„Пепиньерка“ — „Старый блаженный“ (23 листа)»; при этом исследовательница отмечала, что записи в «Каталоге...» «сделаны непрофессионально, и вести поиск, опираясь на них, практически невозможно» (Лобкарева А. В. К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы Международной конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 298—300). Просматривая материалы об А. В. Старчевском в картотеке Рукописного отдела ИРЛИ, А. Ю. Балакин обратил внимание на карточку, стоявшую вслед за материалами Старчевского, на которой значилось: «Старый блаженный, „Пепиньерка“».

¹¹ Женский педагогический институт ордена св. Екатерины (основан в 1798 году) занимал здание на Фонтанке, построенное в 1804—1807 годах арх. Д. Кваренги (сейчас в нем размещен газетный отдел Российской Национальной библиотеки — Фонтанка, 36).

¹² О кружке см.: *Mazon André*. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812—1891. Paris, 1914. P. 56—61; *Ляцкий Е. А.* Роман и жизнь. Развитие творческой личности И. А. Гончарова: 1812—1857. Прага, 1925. С. 111—126; *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров. М., 1950. С. 28—30; *Демиховская О. А.* Раннее творчество И. А. Гончарова // Материалы юб. Гончаровской конф. Ульяновск, 1963. С. 54—86; *Деркач С. С.* И. А. Гончаров и кружок Майковых // Учен. зап. ЛГУ. 1971. № 355. Сер. филол. наук. Вып. 76. С. 18—38; *Гродецкая А. Г.* Литературное окружение молодого Гончарова: (по материалам архива Пушкинского Дома) // И. А. Гончаров: Материалы Международной конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. С. 55—66; и др. В указанных работах есть ошибки и неточности.

¹³ См.: Список слушателей, преподавателей и учениц Екатерининского института за 1842 год // РГИА. Ф. 759. Оп. 94. Ед. хр. 213. Л. 3. «Пепиньерский» (от фр. *répinière* — питомник, рассадник) класс существовал в Смольном, Патриотическом, Екатерининском и других женских институтах; выпускники проходили в нем дополнительный одно- или двухгодичный курс обучения.

¹⁴ *Старчевский А. В.* Один из забытых журналистов // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 376. Выйдя второй раз замуж за родственника Майковых А. А. Азаревича (1805—1870), Наталья Александровна «жила постоянно в Петербурге, имела возможность выезжать в общество и принимать его у себя», сохраняя репутацию «умной, просвещенной и вполне русской женщины» (*Князь Н. Имеретинский*. Из записок старого преображенца. 1854 год // Русский архив. 1884. Кн. 3. Вып. 5—6. С. 388—389).

¹⁵ См. «Подснежник» за 1835 год (ИРЛИ. № 16493. Л. 61).

¹⁶ Опубликован анонимно; сведения об авторстве — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 200. Л. 58.

сохранил фамилии нескольких посетительниц — пепиньерок Ахачинской, Поздеевой, Челаевой, Вахрушовой, Паравиковской, Кренке. Поскольку архив Екатерининского института (ЦГИА СПб. Ф. 3) в настоящее время недоступен, мы лишены возможности сообщить о них какие-либо дополнительные сведения; удалось установить только два имени — Екатерины Федоровны Поздеевой,¹⁷ чье письмо к Аполлону Майкову публикуется ниже, и Нины Челаевой (или Чиляевой),¹⁸ чаще других упоминаемой рядом с Гончаровым.

«Пепиньерка» не первое гончаровское сочинение на институтскую тему. Екатерининскому институту был посвящен и «отрывок», или «эюд», известный под названием «Хорошо или дурно жить на свете?», датируемый второй половиной 1841-го—первой половиной 1842 года.¹⁹ Благодаря полноте и сохранности архива А. Н. Майкова можно восстановить творческий контекст обоих «институтских» очерков Гончарова.

Летом 1842 года Аполлон и Николай Аполлонович Майковы уезжают в Италию. Адресованные им письма друзей и домашних 1842—1843 годов переполнены сведениями о «пятницах» в институте, о любви и ревности, о «буре сердец», которой вместе со всеми захвачен и тридцатилетний автор «Пепиньерки», далеко не последний участник «институтских плутней». Так, в начале октября 1842 года Гончаров сообщает Ап. Майкову, что ведет «секретную хронику сердечных институтских дел как секретарь».²⁰ В недатированном письме примерно того же времени Евгения Петровна Майкова ставит в известность мужа и сына: «Что касается до Гончарова, то, кажется, он продолжает мистифицировать и блаженных, и ангелов»,²¹ а склонный к грубоватым и фривольным шуткам Константин Майков отмечает здесь же, в приписке: «Отыскивая первоначальные следы института, я отыскал их (...) в гаремах и сералях».²² Институтские завсегдатаи почти единодушно признаются, что с отъездом Аполлона «пятницы» утратили былое свое обаяние. «Исчез ты и увез с собой пятницы, которые более не существуют, — сетует Евгения Петровна. — (...) Очень скучновато в институте, всё переговорили, и нового ничего не услышишь в стенах рая! Ты своим живым характером (...) разнообразил часы, проведенные там, а после тебя на сто процентов потерял институт и его пепиньерки».²³ «Право, мы почти совсем не ходим в жилище ангелов, — пишет Аполлону младший Солоницын, — (...) твое отсутствие уничтожило и последнюю нашу отраду (...)».²⁴ «В институте — скучновато, — продолжает тему в письме Аполлону 14 декабря Гончаров, — Натал(ья) Ал(ександровна)

¹⁷ С. Е. Ф. Поздеевой семья Майковых, по-видимому, поддерживала отношения достаточно долго; Гончаров упоминает ее в письмах Майковым с фрегата «Паллада» от 25 мая (6 июня) и 15 (27) сентября 1853 года и в 1855 году в цитированном письме Толстой («Екат. Фед. П.»).

¹⁸ В «Списке слушателей, преподавателей и учениц Екатерининского института за 1842 г.» значится Нина Чиляева, поступившая 16 июля 1835 года (РГИА. Ф. 759. Оп. 94. Ед. хр. 213. Л. 9, об.).

¹⁹ Опубликован впервые: *Ляцкий Е. А.* Указ. соч. С. 119—127; перепечатан (по автографу из архива Л. Н. Майкова — ИРЛИ. Ф. 166. № 1367а): *Цейтлин А. Г.* Указ. соч. С. 445—449. Датировка нами уточнена; подробнее см. т. I полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова (в печати).

²⁰ ИРЛИ. № 17370. Л. 13 (часть коллективного письма, написанного вместе с Владимиром и Константином Майковыми, Юнией Гусятниковой и Яковом Щеткиным). Датировка по содержанию; ср. ошибочную датировку этого и цитируемого ниже письма Гончарова от 14 декабря 1842 года: *Алексеев А. Д.* Указ. соч. С. 23.

²¹ ИРЛИ. № 17374. Л. 43.

²² Там же. Л. 45, об. Константин Аполлонович Майков (1811—1891) — младший брат Николая Аполлоновича; в начале 1840-х годов поручик Измайловского полка: «ревностный» сотрудник семейных рукописных изданий; «вечный ветреник», по характеристике Гончарова (см. его письмо Е. П. и Н. А. Майковым от 15 июля 1854 года).

²³ ИРЛИ. № 17374. Л. 44.

²⁴ Там же. № 17370. Л. 11 (письмо без даты; по содержанию также от начала осени 1842 года).

скушает: название *блаженных* не существует; да и пепиньерки стали не те; живут в затворниках. Вы мне там подгадили раз, и я после Вас подгадил вам зело — да все пошло к черту».²⁵ В приписке к этому письму Вал. Майков уведомляет брата, что «с институтом кончено, любви нет; место ее заменил преферанс» и сам он «ни в кого не влюблен и занимается сельским хозяйством».²⁶

«Империя цветов», «королевство Новой Флориды», «рай», «жилище ангелов», «острова блаженных» — так обычно именуется институт в письмах. Осенью 1842 года семья Майковых захвачена игровой стихией. Квартира на Новоисаакиевской улице в доме генерала Трузсона²⁷ превращается в королевство Трузсонию, домоладцы и друзья — в пограничные королевства-острова. Помимо Трузсонии и «Империи цветов» Архипелаг, как сообщает Аполлону в начале октября 1842 года Яков Щеткин, образуют: «Царство Жемчужины дам» (Елизавета Толстая), «вольный город Юния» (Ю. Д. Гусятникова), «остров Труда» (Владимир Андреевич Солоницын), «остров Беспokoйного движения» (Владимир Аполлонович Солоницын, Солик), «остров Complиментов» (Я. А. Щеткин), «остров Марса» (Константин Майков) и, наконец, «город Сибарис» (Гончаров).²⁸ Владимир Майков, также перечисляя в письме брату острова Архипелага, представляет Ивана Александровича «островом Покоя»,²⁹ в рассказе же Валериана Майкова о политических событиях в «союзе» он является «принцем Сарданапалом».³⁰ Таким образом, в начале 40-х годов Гончаров выступает под постоянной маской ленивца и эпикурейца.

С учетом игровых амплуа и игрового «жаргона» поддается расшифровке авторский подтекст в «Пепиньерке». В тексте очерка неоднократно обыгрываются названия института, определяя ряд как поэтических, так и пародийно-иронических мотивов, в частности восходящий к античной классике (Гомер, Вергилий, Гесиод и др.) образ «островов блаженных». Прозрачный намек для посвященных содержало и упоминание «далий, лилий, маргариток». Как выясняется из переписки, титул принцессы Флоридской Лилии носила Челаева, принцесс Далии и Маргариты — Ахачинская и Поздеева.³¹ Учитывая это, можно предположить, что три стертых слова в гончаровском посвящении были тремя фамилиями пепиньерок.

Игра в доме Майковых имела литературный характер. Политика и дипломатия «королевств» служили материалом для рукописной газеты, издателем которой был Яков Щеткин, цензором — Вал. Майков, о чем не раз сообщается в письмах в Италию. 19 декабря 1842 года Евг. П. Майкова рассказывает сыну и мужу о состоявшемся 6 декабря в домашнем кругу чтении газеты: «(...) читали газету преинтересную: Ив(ан) Алекс(андрович) и Яша чудо какие статьи пишут и много смешат нас».³²

Трудно сказать, предназначалась ли «Пепиньерка» для этой домашней газеты. Аргументов ни «за» ни «против» материалы архива не дают: «статьи» Щеткина неизвестны, а две сохранившиеся в одном из писем Аполлону³³ газетные «заметки» Валериана и Константина Майковых столь, мягко говоря, нелитературны и неостроумны, что судить по ним об общем характере газеты едва ли возможно.

²⁵ Там же. Л. 2, об. (письмо коллективное — с С. С. Дудышкиным и Вал. Майковым).

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Ныне ул. Якубовича, д. 22. Адрес Майковых в 1842—1843 годах см. в письмах Аполлона родителям (ИРЛИ. № 16994. Л. 10, об.).

²⁸ См.: ИРЛИ. № 17370. Л. 13.

²⁹ Там же. № 17374. Л. 8, об. (письмо от 24 октября 1842 года).

³⁰ Там же. № 17370. Л. 14 (письмо от начала ноября 1842 года; датируется по содержанию).

³¹ Там же. Л. 14—15 (письмо Аполлону Валериана Майкова от начала ноября 1842 года; датируется по содержанию).

³² Там же. № 17374. Л. 10. Письмо цитировалось А. Д. Алексеевым: *Алексеев А. Д.* Указ. соч. С. 20.

³³ См.: ИРЛИ. № 17370. Л. 14—15.

Несмотря на общие жалобы на скуку в институте, визиты на «острова блаженных» не прекращаются и зимой 1843 года. О том, что «Наталья Александровна не шутя начинает разыгрывать роль царицы над пепиньерками и этим вдосталь охлаждает институтские беседы», сообщает Аполлону в январе 1843 года Вл. Андр. Солоницын. «Впрочем, — добавляет он, — Гончаров продолжает вздыхать о Челаевой». Рассказывая затем о встрече Нового года у Майковых, Солоницын замечает: «Я сидел за другим столом и, оградив себя с одной стороны Валерьяном от юных прелестей Лизы Толстой, а с другой Гончаровым от двусмысленных глазок Челаевой, не распалил в себе умеренного вакхического восторга (...) Зато соседи мои, под влиянием чудесного Кло-де-Вужо, совершенно растаяли от своих красавиц».³⁴

Переписка Майковых позволяет прояснить и некоторые частности гончаровской «Пепиньерки». Молодых людей, к примеру, постоянно занимают «уголки» (ср. в очерке Гончарова замечание об инспектрисе, «не покровительствующей этим уголкам»). Вл. Ап. Солоницын пишет Аполлону 5 октября 1842 года: «Институт, это волшебное слово, ныне уже не так торжественно гремит в ушах наших, как прежде (...) изредка (...) просияет из-за туч настоящей скуки яркий луч бывших шалостей, уголков и тому подобного (...) Наши угольные дружественные трактаты ведутся очень вяло».³⁵ Солоницын-старший в цитированном письме упоминает среди новогодних развлечений «омонимы и уголки». И наконец, об «уголках» с изрядной долей юношеского цинизма рассказывает в январском, 1843 года, письме брату Валериан Майков: «Одно только обстоятельство радует меня, милый Apollo, и тут-то я тебя вспоминаю: это дивная выправка и дрессировка пепиньерок. Это просто лучше русской гвардии. Посмотрите на Челаеву: как она все понимает — мигнешь, и бежит в угол. Ахачинская также пленительна в этом отношении. Недавно она решительно уничтожила в споре о том, какой мне приличнее задать ей угол — сидячий или стоячий. За сими двумя столпами следуют Поздеева и Вахрушова. Они также славно знают службу».³⁶

Весь 1843 год, судя по всему, Гончаров хранит верность институтским привязанностям. Уехавший за границу в начале лета 1843 года Вл. Андр. Солоницын в письме к нему из Рима от 3 сентября просит передать поклоны в институте, не без иронии добавляя: «Я обращаюсь к Вам с этой просьбою потому, что институт состоит в Вашем ведении».³⁷ А 1 декабря 1843 года в ответ на несохранившееся письмо Гончарова пишет ему из Парижа: «Так Вы, почтеннейший, взяли отставку из института?.. Хорошо сделали! Черт ли в нем. Пишите повести. Я не спорю, что женщины — очень милая вещь; но насчет института, начиная с его главы до последних оконечностей, мое мнение было всегда таково, что нет ничего глупее на свете».³⁸

Неизвестно, как долго продолжались институтские «пятницы»; последнее упоминание о причастности к ним Гончарова содержится в письме Солоницына-старшего Валериану Майкову от 5 марта 1844 года. С нескрываемым раздражением Солоницын отзывается в нем о вечерах, которые «так глупо, так пошло, так недостойно и даже, наконец, грязно убиваются в институте».³⁹ Заслуживает внимания и рассказ еще одного, не принадлежащего майковскому кругу, посетителя института. П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту 12 апреля 1844 года: «Сегодня я зван на вечер в Екатерининский институт к одной инспектрисе (Майковой, тетке поэта, урожденной Измайловой — баснописице). Там премножество было

³⁴ Там же. П. О. 17. № 156(1). Л. 8—8, об.

³⁵ Там же. № 17370. Л. 10—10, об.

³⁶ Там же. П. О. 17. № 156(1). Л. 8, об.

³⁷ Там же. № 152. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 2, об.

³⁹ Там же. № 154. Л. 1, об.

народу женского пола; довольно и мужского. Ужин кончился в третьем часу. Молодой Майков читал несколько новых своих стихотворений. Он мужает в поэзии». ⁴⁰

Шутливый очерк Гончарова был адресован узкому кругу читателей (и слушателей): об этом говорит как наличие в нем ряда достаточно интимных подробностей и намеков, так и тот факт, что все сочинения на «институтскую» тему подвергались строжайшей цензуре. ⁴¹ Как по лексике (особый жаргон, объединявший посетителей «пятниц»), так и по разговорно-естественной, очень личной, «домашней» интонации «Пепиньерка» близка письмам Гончарова 1840-х годов. Впрочем, разговорная интонация характерна не только для эпистолярной, но и для романной прозы писателя. При всей камерности «Пепиньерки» ее содержание не сводится к сугубо «домашним» мотивам и темам и далеко ими не исчерпывается, точно так же как шире «домашних» рамок было содержание ранних гончаровских повестей. «Институтская» тема ко времени создания «Пепиньерки» прочно вошла в русскую литературу; к 1830—1840-м годам успели утвердиться определенные стереотипы изображения «институтки», или «монастырки» (классицистический, сентименталистский, романтический). ⁴² Не только знакомство с литературной традицией, но и известная зависимость от нее ощутимы в данном случае у Гончарова. Далеко не новыми в литературе были воспроизведение «характеристических» оборотов речи, институтского жаргона («ах» и «фи», «душка», «ангел»), ирония по отношению к институтской восторженности, мечтательности, наивности, непременно «обожанию». Антитезу «институтка — светская красавица» русские романтики превратили в своего рода клише, идеализируя невинность, чистоту, естественность первой в противоположность искусственности, «испорченности» второй. ⁴³ Гончаров не избегает этой оппозиции, но, очевидно, стремится преодолеть ее схематизм, в одних случаях иронически обыгрывая, травестируя, а отчасти и пародируя расхожее противопоставление, в других — акцентируя его психологический аспект.

Повышенное внимание к конкретной бытовой и психологической детали определяет своеобразие очерка: здесь и многочисленные реалии из жизни воспитанниц Екатерининского института, и тонко подмеченные особенности их речи, поведения, взаимоотношений. ⁴⁴ Хотя очерк нельзя отнести к жанру «физиологий», только зарождавшемуся в начале 1840-х годов, Гончаров несомненно к нему тяготеет. В русле отечественного бытописания создавались и ранние его повести (несмотря на

⁴⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 228. Аполлон Майков вернулся из-за границы 8 марта 1844 года.

⁴¹ См. об этом: Белоусов А. Ф. Институтки в русской литературе // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 80.

⁴² Там же. С. 77—99. Оригинальный тип институтского поведения был настолько известен в обществе, что авторы, как правило, вместо характеристики героини вскользь упоминали о ее институтском воспитании, находя более подробные объяснения излишними. Ср.: «(...) до 14-ти лет она прожила у отца, и ей внушили такие странные, такие смешные правила, что она и до сих пор выглядят какою-то монастыркою» (*Навроцкий С. Н.* Новый Митрофан (1840) // СПб. Т. V, 5, 55. Листы не нумерованы).

⁴³ Ср. в повестях «Испытание» (1830) А. А. Вестужева-Марлинского, «Бедовик» (1839) В. И. Даля и др., а также образ институтки в романе А. Погорельского (А. А. Перовского) «Монастырка» (ч. 1 — 1830; целиком — 1833) и в «Мертвых душах» (1842) Гоголя.

⁴⁴ В связи с этим представляет интерес «Роман в письмах» С. А. Закревской «Институтка», появившийся ровно за год до создания «Пепиньерки» (Отч. зап. 1841. № 12). Фрагмент романа под заглавием «Письма воспитанниц» был ранее опубликован анонимно (Современник. 1837. Т. 8) с пометой на письмах «Екатерининский институт», отсутствующей в «Отечественных записках». Здесь впервые была предпринята попытка увидеть в подробностях будничную жизнь Екатерининского института глазами его воспитанниц. Автор активно использует слова из институтского жаргона, выделяя их в тексте курсивом, употребляет различные экспрессивные лексические формы, тем самым имитируя институтский синтаксис и интонации речи. Вполне вероятно, что Гончаров знал эту повесть и учел опыт Закревской при написании своего очерка (судя по переписке Майковых, в их семье следили за выходом «Отечественных записок» и внимательно их читали).

иронические выпады автора против «бытописателей», присутствующие как в «Лихой болести», так и в «Счастливой ошибке»⁴⁵). Во всех случаях в рамках традиционных жанрово-тематических схем начинающий писатель ищет новое освещение ситуации, возможность сочетания иронии и лирики, пародии и поэзии.

И еще одну особенность раннего очерка нельзя не отметить: текст «Пепиньерки» буквально пестрит пушкинскими цитатами и реминисценциями, подтверждая широкоизвестное и неоднократно повторенное Гончаровым признание в своем юношеском благоговении перед Пушкиным.

Институтская или, как вариант, пансионерская тема не уйдет из творчества писателя, создавая приглушенный фон для образа Ольги Ильинской в «Обломове», Софьи Беловодовой в «Обрыве». Вера и Марфинька предстанут Райскому, согласно романтическим канонам, «парой прелестных институток на выпуске с институтскими тайнами, обожанием, со всею мечтательною теориею и взглядами на жизнь, какие только устанавливаются в голове институтки — впредь до опыта, который и перевернет все вверх дном»⁴⁶.

Возвращаясь к версии Евстратова, заметим, что текст «Пепиньерки» едва ли подтверждает его гипотезу, за исключением того, что этот «этюд» действительно связан с Екатерининским институтом. Даже принимая во внимание нерешительность и колебания начинающего автора, трудно предположить, что написанное в декабре 1842 года произведение могло читаться в «жилище ангелов» только два-три месяца спустя. К тому же, несмотря на общий игривый тон «Пепиньерки», присутствие в ней живых диалогов и ряда бесспорно «комедийных» эпизодов, маловероятно, что этот нравоописательный очерк мог быть воспринят как «комедия». «Комедию», прочитанную Гончаровым в Екатерининском институте в конце зимы 1843 года, с большой долей уверенности можно отнести к числу несохранившихся произведений.

ПЕПИНЬЕРКА

Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.¹

Пушкин

«Ах, какой душка!»
«Ах, какой противный!»
— Каково! вот какого вы
обо мне мнения!

(Дневник пепиньерки)

Если всякое дельное и полезное сочинение, к числу которых относится и сочинение о пепиньерке, должно начинаться определением предмета, то нельзя и мне избежать этого всеобщего порядка. Итак, пепиньерка есть девица — и не может быть неведицей, так точно и неведица не может быть пепиньеркой. Это неопровержимая истина. По крайней мере, если б по какому-нибудь случаю между пепиньерками вкралась неведица, то это была бы такая контрабанда, на которую нет ни в одном таможенном уставе² довольно строгого постановления. Впрочем, это — случай решительно невозможный и небывалый в летописях тех мест, где водятся пепиньерки, следовательно, нет и закона, который бы наказывал неведицу

⁴⁵ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1977. Т. I. С. 375, 403—404.

⁴⁶ Там же. Т. VI. С. 37. Последний пример заимствован нами из указанной выше статьи А. Ф. Белоусова «Институтки в русской литературе».

за присвоение себе не принадлежащих ей прав. Недевицы могут быть классными дамами, инспектрисами, директрисами, привратницами, но пепиньерками — ни-ни! Нельзя определить с точностью лет пепиньерки. Можно так, неопределенно, сказать, что пепиньеркой ни в сорок, ни в двенадцать лет быть нельзя, хоть будь себе раздевица! Обыкновенно она бывает от шестнадцати до двадцати лет. Если она пойдет далеко за последнюю границу, то ее делают дамой, т. е. или классной дамой, или просто дамой, выдавая замуж. С неспособной к этим двум должностям снимают пепиньерский сан, потому что она стала уже девой, а пепиньеркой, как сказано, может быть только девица. Костюм пепиньерки прост. Белая пелеринка, белые рукава и платье серого цвета. Может быть, есть на свете пепиньерки и других цветов, но я их и знать не хочу. Отныне моею вечною песнью будет:

Серый цвет, дикий цвет!
Ты мне мил навсегда³ — и т. д.

Природа заодно со мной. Она как будто нарочно, для прославления дикого цвета, дала мне и голос дикий.⁴

Не знаю почему, но мне кажется изящным этот простой костюм: потому ли, что пепиньерка умеет его надеть как-то мило; потому ли, что плотная пелеринка не дает видеть, а позволяет только мечтать о пышных плечах и очаровательных лопатках и тем умножает прелесть мечты; потому ли, что девушке в шестнадцать лет пристает всякая шапка,⁵ или, наконец, потому, что уж я очень люблю пепиньерку. Как бы то ни было, но я готов одеть и небо и землю в серое платье и белую пелеринку.

Костюм этот теряет, однако ж, свое изящество, когда пелеринка и рукава изомнутся или когда на них сядет чернильное и всякое другое пятно, что, к сожалению, случается нередко. А согласитесь, что девушка с пятном — как будто и не девушка: оттого я не могу видеть на пепиньерке, без содрогания, даже и чернильного пятна.

На светской девушке никогда не увидишь чернильного пятна: очень понятно почему. Она, во-первых, ничего не пишет, или пишет только в больших оказиях. Потом — у ней вся чернильница с наперсток и в ней капля чернил, которую она всю и употребит на свое писанье, да и ту еще разведет водой: чем же тут закапаться? У пепиньерки, напротив, чернил вволю: казенные — капай сколько хочешь; вообще все нужное для письменной части содержится в отменном порядке и обилии, так что припасов достало бы на целую канцелярию. У светской девицы — все это в запустении. Притом она обращается с письменным столом чрезвычайно осторожно: подходит к нему осмотрительно, с гримасой; едва двумя пальцами возьмет черепаховое перо и раз двадцать обмакнет его в чернила, прежде нежели достанет капельку. Садится она, не дотрогиваясь до стола локтями, и держится поодаль. А написавши, далеко бросает перо — опять месяца на три. Пепиньерка, если примется писать, то работает усердно, как писарь военного ведомства, часто на том месте, где писали и уже накапали ее подруги. Когда она пишет, то вся погружается в свой труд. Сверх того, ей представляется множество случаев выпачкаться в классе. Платья и пелеринки жалеть нечего: они казенные.

Спросят — что может писать пепиньерка? Многое. Во-первых — она ведет свой журнал, куда записывает происшествия, впечатления дня, может быть, и ночи, т. е. кого встретила, с кем говорила, что чувствовала, что видела во сне. Потом пишет она письма к родным, или сочиняет проекты писем, но уже не к родным, а так, к разным лицам, для практики на всякий случай, или для забавы. Наконец, чертит перышком заветные имена и рисует мужские головки. Видите ли, сколько ей нужно чернил. Теперь положите хоть по капельке на каждую штуку, т. е. на страничку журнала, на письмо, на мужскую головку — сколько бы капель должно

быть пролито на платье? А на ней едва-едва увидишь два-три пятнышка. Не есть ли это доказательства ее опрятности?

Обязанности пепиньерки многообразны. Главнейшая из них — не обожать — нет! это дело не девиц, а девочек. Девушки, достигши полного развития, очень хорошо понимают, что обожания не существует.⁶ Обязанность ее — любить по-настоящему, как все любят, — и быть любимой; если же она не любит, то казаться влюбленной. Последним даром пепиньерка владеет еще не искусно. Она редко может скрыть охлаждение к своему предмету, так же как не может скрыть и любви, и называет его, пока любит, — разумеется, про себя и между подруг — *душкой*, а когда разлюбит, то иногда величает и *противным*, чего по светским уставам делать никак не следует. Но в этом случае пепиньерка руководствуется более влечением сердца.

Пепиньерка может еще быть, по каким-нибудь причинам, не любимой; могла бы, конечно, быть и не влюбленной, но этого не бывает: это уж так заведено; иначе ее существование было бы весьма незавидно. Она была бы парией между своих подруг. Ее бы бегали, боялись; все отвергали бы ее дружбу, потому что дружба корпуса пепиньерок держится на взаимных тайнах, а что за тайны без любви? Неужели можно назвать тайною, когда побранят начальство, передразнят классную даму, не послушаются инспектрисы? фи! это составляет только тайну маленького класса. Пепиньерская комната — вольный город, порто-франко,⁷ куда беспощинно привозятся важнейшие тайны, даже городские, и где ими свободно производится меновой торг. Что же бы стала делать пепиньерка, не будучи участницей дружеских тайн? Она была бы лишняя в пепиньерской; ей оставалось бы печально бродить по коридору или подслушивать у дверей. Она для одного этого всеми силами старается влюбиться, а если нет случая, то выдумает сама себе и любовь, и тайны.

Прочие обязанности пепиньерки не так уже важны. Замечательнейшая между ними — чтение запрещенных в заведении книг.⁸ Это необходимо для составления себе вполне имени пепиньерки. Пепиньерка, не читавшая романов, — редкость. Чем же ей отличиться от девиц высшего класса, как не чтением романов, которых там вовсе нельзя иметь. Да оно нужно и для того, чтоб, в случае недостатка настоящей любви, сочинить себе последнюю. Выше следовало упомянуть, что в пепиньерскую кроме тайн проносятся запрещенные книги и разные другие, к приносу запрещенные вещи, например сигары. Из этого можно заключить, что там вообще водится и табак, если не курительный, что было бы заметно, то, вероятно, нюхательный. Не знаю хорошенько, проносится ли вино: надо справиться. Все это показывает, что корпус пепиньерок составляет род маленькой республики под покровительством монархии начальства.

Все эти важные обязанности пепиньерки нарушаются разными мелочными развлечениями, установленными в заведении постоянно, как то: дежурством, хождением в классы, смотрением за девицами, усмирением возникающих между ними бунтов и т. п. Но пепиньерка не любит этих шумных развлечений. Она предпочитает им свои мирные занятия. Она ведет взвод девиц к обеду, а сама мечтает о предмете. Улучит свободную минутку и бежит в комнату, садится за фортепиано и напевает: «Я не скажу, я не открою, В чем тайна вечная моя!»⁹ — или что-нибудь подобное.

Вот наступает вечер. Говор, шум, смех, беготня утихают. Пепиньерки приходят с дежурства и ужинают. Как привлекательна их простая трапеза! Она напоминает мне вечернюю трапезу студенческих годов: так же нет излишних и обременительных украшений, например скатертей, салфеток, отчасти вилок и ножей.¹⁰ Да на что скатерть, салфетка, когда казна дает коленкоровый рукав? Зачем вилки и ножи, когда природа снабдила прекрасными, маленькими и тоненькими пальчиками, очень удобно заменяющими эти орудия? Не так ли думал Диоген? а ведь

он был мудрец.¹¹ Но зато милая трапеза этих мудрых дев приправлена шутками, смехом, тайнами и толками о любви. Одну только неверность и нахожу в сравнении с студенческой трапезой — недостаток бутылок. Между тем вечер все подвигается вперед. Инспектриса уже заперлась у себя и не выйдет больше. Сонные классные дамы разбрелись. Швейцар сложил свою булаву.¹² Лампы гаснут в коридорах одна за другою. Наконец все погрузилось в сон. Пепиньерки ложатся. (Боже! о чем пишу!) Вон уж М^{lle} *Пози* очень мило всхрапнула раза два; М^{lle} *Ах* чмокает губками, как будто кушает что-то во сне; М^{lle} *Ла* произносит в бреду: *душка!* М^{lle} *Руш* обняла подушку и сладко почивает; М^{lle} *Ке* уткнула носик в свою и спит, как куколка; М^{lles} *Цей* и *Ней* совсем с головой закрылись одеялом и спят молча, а М^{lle} *Вико* все вздыхает и ворочается с боку на бок.

Кто-то одна страстно и жарко разметалась по постели. Покровы сброшены почти совсем на пол, ручка свесилась... дыханье ее горячо... она по временам лепечет невнятные слова или крепко сжимает губки.¹³ Над этой рафаэлевской головкой летают не ангельские сны; уста шепчут не — *Богородице — дево! радуйся!*¹⁴ Тсс! язык отказывается выдать незаконноприобретенные тайны — и я, непрощенный наблюдатель, удаляюсь из святилища, куда, посредством воображения, прокрался, замкнув уста, притаив дыхание и отрешив обувь от ног из благоговения к храму Весты.

Вот пепиньерка встает потихоньку, надевает чулки, зажигает огарочек, идет к столику, в секретный ящик.¹⁵ Щелк-щелк замком: из ящика бережно достается таинственная книжка, данная братцем, кузенем или снисходительной тетушкой. Проказница — прыг опять в постель с драгоценной ношей, чулки долой — и погрузилась в чтение. Как быстро бегает по строкам ее глазки! как живо отражается в них каждое впечатление! Слеза, улыбка, нега, гнев, сожаление — сменяются одно другим. Судьба героя или героини, чаще героя, увлекает ее более и более. Она приподнялась с подушки и оперлась на локоток. Щечки ее разгорелись. С белобархатного плеча мало-помалу спустилась сорочка. (Силы Небесные! помогите дописать!) Но она не замечает этого: ей как будто и дела нет. Один пальчик на ножке высунулся из-под одеяла и рисует что-то в воздухе. Бьет час, бьет два; она сама не шелохнется: она вся — чтение. А встала она рано, в шесть часов, и завтра должна встать в эту же пору. Но что ей до того? Как отстать? Она только что дочитала до того места, где герой обманул героиню: как же уснуть, не узнавши, что из этого будет? Она продолжает. Вот уже личико ее теряет свежесть; веки покраснели, глаза потускли, и на них то является, то исчезает непрощенная слеза. Румянец, озарявший всю щеку, сошел: на его месте остались два красные пятнышка, признаки крайнего утомления. Пальчик не шалит более: он спрятался, и плечо прикрылось одеялом. У ней маленькая лихорадка. Вдруг неожиданное происшествие. Вся комната ярко озарилась вспышкой свечи, которая уже догорела; сало зашипело — и вслед за тем занялась бумага. Пепиньерка в испуге роняет книгу на пол и начинает дуть: но свечка не гаснет — пламя охватило бумагу со всех сторон, сало течет на стол: нет силы затушить. А инспектриса, того и гляди, заметит свет из окошка. Что делать? «Пози! Пози! Катя! — кричит она. — Лиза! Лиза!» Ах, как они крепко спят: точно девицы маленького класса или как юродивые девы! «Да встаньте, помогите. Лиза!» — «А? что? — откликается Лиза, — что он тебе сказал? тайну?» — «Какая тайна! поди поскорее сюда, посмотри, что я надела!» — «Ах! пожар! пожар!» — кричит та в испуге, бегая по комнате. «Тише, тише! что ты, с ума сошла!» — говорит наша проказница и начинает ловить Лизу. Но вот беда — Лизу почти не за что поймать: если б был платок, шарф, косыночка, юбка... а то почти ничего... Наконец Лиза опомнилась, протерла глаза, поняла в чем дело, и стали обе дуть. Нет — не гаснет. Надо позвать третью. «Мери! Мери!» — «Отстаньте!» — сердито говорит впросонках Мери и переворачивается на другой бок. «Надины! Надины!» Надинь быстро

открыла глазки, мигом сообразила всю важность обстоятельства, проворно вскочила с постели, и давай все три: фу! фу! фф! Три девицы вскочили в суматохе с постели как есть и задувают свечку... Живописец! бери кисть и не ищи другого сюжета. С какой грацией напрягают они усилия; какая милая встревоженность в глазах; какая очаровательная суетливость в движениях! Что за позы! Две стоят рядом, одна опершись рукою на плечо другой, и дуют мерно, обе враз; третья — напротив их и дует торопливо, беспреестанно наклоняя голову. Что за прелести! Не три ли это грации? Я уверен, что между ними невидимо присутствует амур.

Наконец свечка затухла. Пепиньерки расходятся, браня подругу за тревогу. «Разбудила! — говорит с упреком Лиза, — а какой сон-то был!..» — «Ах, расскажи, душка, какой?» И они с час после того еще шепчутся. Потом утомленная проказница ложится. Отяжелевшая голова падает на подушку; глаза тотчас смыкаются; раздается громкий вздох и за ним ровное, спокойное дыхание уснувшей мечтательницы.

Вот только какое обстоятельство могло оторвать пепиньерку от интересной книги, а то бы она читала до рассвета. После того неудивительно, что она завтра проспит часов до десяти, не явится на дежурство и получит выговор. Ничего не бывало. Наутро, в семь часов, инспектриса еще зевает, лениво потягивается в постели, пьет кофе, а пепиньерка, зашнурованная, одетая, причесанная, свеженькая и миленькая, как была накануне, подобно бабочке вспорхнула к ней в комнату и целует ей руку, и поздравляет с добрым утром.

— Хорошо ли вы спали? — спрашивает инспектриса, — покойно ли?

— Ах, как хорошо, Ангел: всю ночь ни разу не проснулась; Вас раз пять видела во сне.

— Как же ты меня видела?

— То будто вы, Ангел, целуете меня в лоб, то будто я играю вашими буклями. Так, Ангел, мне было весело — чудо! Ах, душка! Ах, Ангел! Всю бы жизнь все видела такие сны!

И Ангел берет ее слегка за ухо, приговаривая: «Повеса!»

Не знаю, как Ангел, а я так крепко сомневаюсь, этот ли Ангел целовал ее в лоб, его ли буклями играла пепиньерка во сне.

Иногда чтение в пепиньерской происходит во всеуслышание, когда книга дана на срок или когда она покажется особенно занимательна. Тогда одна читает, прочие слушают. «Ах, — восклицает М^{lle} Ла каждый раз в подобном случае, — нет в свете ни одной книги лучше этой! никогда, никогда не читала я с таким удовольствием!» — «Ах, книга, ах, душка!» — говорит М^{lle} Ах, сверкая глазками от удовольствия. «Хорошо!» — флегматически прибавляет М^{lle} Цей.

Когда при мне заговорят о девушке, живущей в свете, в своей семье, или назовут ее имя, даже начнут хвалить красоту такой девушки, я еще сохраняю свое хладнокровие, подумаю, посмотрю и потом уже, ежели нужно, дам волю воображению или сердцу. Но едва произнесут слово «пепиньерки», я вдруг встрепенусь, и у меня как будто кольнет в левом боку. «Влюблен! — скажут мне, — вот и все!» Может быть, может быть: я не говорю «нет»; не говорю, однако ж, и «да». Но мне кажется, так должно быть не со мной одним, а со всяким. Причина простая. Когда при наступающем сумраке вы увидите на небосклоне одну звездочку, вы посмотрите на нее сначала так, просто; потом вглядываетесь, судите, измеряете, лучезарна ли она, какими огнями сияет, и потом уже, судя по степени этих свойств, восхищаетесь ею. Но вспомните, если случилось вам спать под открытым небом, когда вы, вдруг проснувшись ночью, увидите над собой бездонную твердь, полную светил, которые, как влюбленные очи, жадно устремлены на вас и сыплют бриллиантовые лучи на ваше ложе: вы мгновенно проникаетесь восторгом, поражаетесь электрически дивной картиной и перебегаете взором от светила к светилу, не зная, где остановиться. Дадут ли вам одну розу:

вы осмóтрите ее внимательно, понемногу вдыхаете в себя аромат и потом уже заключаете, что она прекрасна. Но когда вас вдруг перенесут в пышный цветник, где розы, далии, лилии, маргаритки цветут на одной почве, живут одними и теми же лучами, прохлаждаются в одной тени, переплетаясь листьями, касаясь друг друга головками, и образуют одну роскошную, благоуханную семью, — вы останитесь неподвижно, вас поразит эта масса красоты и аромата и вы вдруг отдадите ей весь ваш восторг. Точно так же действует на меня и масса девиц. Вот отчего одно слово «пепиньерки» производит на меня магическое действие.

Притом пепиньерка имеет прелестные особенности в своем характере. Она уже не воспитанница, но и не светская девушка, среднее между ними. От воспитанницы она отличается тем, что выезжает изредка к родным и знакомым,¹⁶ видит не одни педагогические лица, не обожает, как та, а любит, только особенно, по-своему. Ум и сердце ее развились и готовы к принятию всех впечатлений жизни. От светской девушки она отличается тем, что выезжает реже и живет все-таки в затворничестве, подчиняясь непреложным уставам своего заведения. Это самое и сообщает особенности ее характеру. Она живее и пламеннее принимает впечатления, потому что они редки. Принося впечатление из города в пепиньерскую, она иногда, и по большей части, не имеет уже случая повторить, поверить или продолжить его и поневоле дополняет его воображением, тогда как светская девушка, пользуясь большою свободою, доводит это впечатление до желаемого конца, следовательно, она более испытывает, потому что более слышит и видит или советуется с какой-нибудь опытной подругой, слышавшей и видевшей еще более ее, или же пользуется оплошностью, обмолвкой маменьки, тетушки. А с кем посоветуется пепиньерка? с подругами? Но они так же неопытны. С классной дамой? с инспектрисой... Та-та-та-та! Боже сохрани! Есть впечатления, которые страшнее и романов и пахитосок и которые подлежат в таких местах вечному остракизму. Эти впечатления, попадая в пепиньерскую, уже более не выносятся, а там и умирают или выносятся только опять в то место, откуда взяты. «Поверить инспектрисе! — сказали бы мне пепиньерки, — каково это! вот еще что выдумали! Она конечно, Ангел, но...»

Поэтому пепиньерка находится иногда в затруднительном положении и не знает, что делать с своим впечатлением. Светская девушка как раз вывернется из запутанного казуса, потому что она живет вполне настоящим, пепиньерка большею частью будущим. Первая анализирует каждый представляющийся ей опыт, замечает его и таким образом, мало-помалу, составляет себе руководство, курс тактики для следующих опытов. О будущем она не думает: у ней так много забот в настоящем. Пепиньерка создает себе внутренний мир, подмешивая в него мелькающие перед ней образы, отрывочные чувства и скудные опыты, заимствованные из внешнего: оттого она более мечтательница. Но если она отстала от светской девушки в настоящем, то она опередила последнюю в отношении к будущему. Пепиньерка в затворничестве своем мысленно переживает до конца период юности, девичества, а кто ее знает, может быть, и замужства. Не думаю, чтоб она заглядывала в старость: что там делать? дрянь! Недаром сказано: жизнь под старость такая гадость!¹⁷ Да и как ей, даже мысленно, сделаться старухой? Представить себя, например, беззубой, седой... когда у ней волосы и зубы... ах, зубы, зубы! какие зубы помню я! Боже мой!

И нынче иногда во сне
Они кусают сердце мне!¹⁸

Кроме этих особенностей жизнь в массе кладет также на пепиньерку свою неизгладимую печать. Она не действует одним своим умом; она не самостоятельна в мнениях, даже в чувствах. Все это невольно, более или менее, подчиняется влиянию того тесного кружка, в котором она живет. У ней все общее с подругами:

мысли, чувства и дела, как стол, комната и запрещенные книги; даже тайна подлежит тому же разделу — тайна, эта невидимая, неслышимая гостья, зарываемая другими так бережно на дне души, вылетает у пепиньерки, как ручная птичка, которая, покинув отворенную настежь клетку, попорхает по кустам и потом летит назад. Так и тайна пепиньерки, вылетая беспрестанно и облетев всех подруг, возвращается опять в вечно отворенную клетку — сердце своей хозяйки.

Но прежде нежели скажу о тайнах и о предмете тайн, я по необходимости должен упомянуть о некоторых лицах, играющих большую роль в жизни пепиньерки, — именно о тех лицах, которых она чаще и постояннее видит у своих родных, знакомых или у кого-нибудь из начальниц. Я разумею лиц мужского пола. Лица женского, или прекрасного, пола так пригляделись ей у себя в заведении, что последний ей кажется вовсе не прекрасным. Назову эти мужские лица хоть *блаженными*, потому что они в самом деле блаженствуют, имея возможность видеть по временам эти цветки, укрытые от непосвященного взора в крепких, плотнокаменных теплицах с покрашенными окнами.

Блаженный — это пробный камень, на котором пепиньерка впервые испытывает свой ум, сердце, знание людей и света и приобретает через него доступную при своем образе жизни опытность. Между ею и блаженным происходит первый обмен мыслей и... и чувств, как с посторонним лицом. От него она заимствует иной взгляд на свет, людей, на вещи, узнает цену самой себе. Наконец, она его первого любит. Что делать! надо сказать правду. И начальству тут нечего сердиться: от этого не уберегут ни крепкие стены, ни завешенные окна, ни легионы классных дам.

Если у кого-нибудь из начальниц назначен приемный день, положим пятница, то и все блаженные, посещающие в этот день заведение, называются собирательным именем *Пятницы*. Этот день, разумеется, ожидается с нетерпением, со страхом и надеждою: придет или не придет тот или другой из блаженных. Тогда корсет теснее сжимает талию; тщательнее убирается голова, тогда белее пелеринка и рукав, да и самые ручки тоже, и на них уж не увидишь чернильного пятна.

Накануне пятницы чтения нет; место его заступает продолжительный разговор, потом шепот. Встают ранее обыкновенного. «Сегодня пятница!» — скажет первая, проснувшись поутру. Эти слова, как электрическая искра, пробегут по постелям. Вдруг почти все глаза открываются разом, головы отделяются от подушек. «Пятница! пятница! — начинают восклицать в пепиньерской. — Ах, душка — пятница!» И пепиньерская обращается в перюкмахерскую. Начинают чесать друг друга, тщательно вопрошать зеркала и советоваться между собою. Пелеринки, рукава, даже, может быть, чулки и прочее надевается все чистое или, по крайней мере, выглаженное вновь. Мыла, воды и помады потребляется огромное количество. Как несносно кажется тогда дежурство пепиньерке! Как она сердится на девиц, щиплет, толкает их. Зато как ласкова к инспектрисе, у которой назначен вечер. «Душка! Ангел! Ах, какой Ангел!» — говорит она, встречая ее в коридоре и целуя у ней с неистовством руку.

Приходит и вечер. Окна у инспектрисы уж освещены. Ухо пепиньерки постоянно дежурит у дверей комнаты, мимо которой проходят гости. Вот-вот шаги... ах нет: это не торопливые шаги блаженного; это какая-то тяжелая, ровная походка. Может ли блаженный ходить тяжело и ровно? Он всегда крадется или бежит, как будто за ним гонится стая волков. Его сейчас узнаешь, да он и сам даст знать о себе: либо постучит в дверь тростью, носимую нарочно для этого употребления; либо зашаркает, либо кашляет, проходя мимо, говоря тем: «Вот, дескать, я пришел!» Кто ж это? Уж не новый ли блаженный? Дверь потихоньку отворяется, и из щели смотрят несколько сверкающих глаз. — Э! да это старичок, что все в карты играет: он не блаженный! впрочем, милый старичок! — И все успокоивается. Но вот что-тобрякнуло. «Mesdames, mesdames!» — восклицает пепиньерка. Все внемлет.

Да! так и есть! Это отделение Пятницы! Вот звук сабли, шпор и еще какой-то звук, как будто хлестанье ташки¹⁹ по ногам. — Блаженный, блаженный! Но что это он! Ах! Ах! Дверь захлопывается, все отскакивают: он подходит на цыпочках к двери, целует дощечку с надписью: *пепиньерки* и идет далее. Вскоре слышатся ускоренные шаги нескольких человек. Вдруг стук-стук кто-то в дверь. Пришли, пришли! Вся Пятница тут! Через десять минут является горничная от инспектрисы и зовет пепиньерок.

Блаженные в свою очередь еще с большим нетерпением ожидают появления пепиньерок. Они уже приветствовали инспектрису, наговорили ей и почетным ее гостям тьму любезностей; но и для них наступило ожидание. Один смотрит на все часы. Другой сел в уединенном углу и поставил шляпу на пустой, стоящий напротив его стул, чтобы его не занял кто-нибудь. Это место не вакантное: оно ждет кого-то. Третий спрашивает инспектрису: «А что ваших малюток не видеть? уж здоровы ли они? Или, может быть, того... классы еще не кончились?» Но хитрая маменька проникает в лукавый вопрос и, как любезная хозяйка, спешит послать, только не за детьми. Четвертый все шутит с нянюшкой, которая стоит у самого входа. Вот — слышно что-то необъяснимое. Походка не походка, шорох не шорох, а так, приближение толпы силфид. Это приближение не слышится, а чувствуется блаженными, и только одними блаженными. Пепиньерка никогда не войдет одна, а целым корпусом. Войти — это для нее важное дело. Она долго стоит в нерешительности перед дверьми и шепчется, смеется с подругами. Иногда вдруг толпа появится в дверях и вмиг опять со смехом исчезнет, или, как говорят, брызнет в коридор.

Наконец она решится, примет сколько можно серьезную мину и войдет. А на лице у самой написано: я знаю, что вы здесь! я вас видела, слышала, как вы шли. Но она не останавливается с блаженным, а слегка ответив на его поклон, идет прямо к инспектрисе и целует у ней руки, плеча, как будто блаженный для нее — так, ничего, пустое. «Не мешайте, не мешайте, — говорит инспектриса, — подите и будьте любезны с гостями».

Тогда-то настанет для пепиньерки вечер, ожидаемый целую неделю. Надо сказать то, узнать это: ах, удается ли, успеется ли? будет ли догадлив блаженный? Но блаженный, сверх множества разных других добродетелей, обладает еще одним необходимым достоинством: он более или менее плут. Вот он и пепиньерка идут от чайного стола прочь, и идут, кажется, в разные стороны, а посмотришь, через минуту — уж сидят или стоят вместе под сенью плюща или дикого винограда. Шляпа уж под стулом, а на стуле сидит пепиньерка. Они молчат несколько минут или говорят пустяки. «Что это у вас как поздно кончилось сегодня дежурство? — говорит он громко, а тихо прибавляет: — Я был здесь третьего дня и думал найти вас: вы, кажется, хотели прийти?» — «Нынче у нас танцкласс!²⁰ — отвечает она громко же, а потом, глядя в сторону, тихонько говорит: — Меня позвала неожиданно начальница и продержала у себя два часа». Тут кто-нибудь проходит мимо. «Если б вы знали, — говорит, возвышая голос, блаженный, — что за ужасная погода теперь...» А тихо: «Я целую неделю только и жил, и дышал этим днем». «Неправда! — говорит она, — вам и так весело: вчера вы были у NN». «Что у NN! — отвечает он, — когда там нет...» — и останавливается; а она потупляет глаза, зная очень хорошо, что следует далее. «Будете вы завтра у Р. Р.?» — «Не знаю; если возьмут». — «Ах! будьте! Что же за праздник, если...» Тут подходит другой. Какая досада! Блаженный бесится, пепиньерка щиплет рукав и смотрит вниз. «Слышали вы нового певца? — говорит подошедший, положив руки на колени блаженному. — Как он чудесно поет вот эту арию», — и начинает: тра-ла-ла... — «О чтоб тебя черт взял и с певцом-то!» — думает блаженный. «Да вы лучше сядьте к фортепиано, — отвечает он, — да спойте порядком». Докучливый посетитель потолчется, потолчется возле них и — нечего делать — отойдет и сядет к фортепиано. «Будьте на празднике: без вас что за праздник?» У пепиньерки застучало сердце. «Как что за праздник? — спрашивает она, желая

выведать поболее. — Там много будет без меня!» — «Без вас!... Что мне много! — отвечает блаженный с пылающими взорами. — На небе много звезд прелестных...»²¹ — «Что вы там делаете в углу? — кричит вдруг хозяйка, не покровительствующая этим уголкам, — вам скучно: подите сюда к нам!» — «Скучно!.. — ворчит блаженный, — ведь выдумает же что сказать!..» Но делать нечего: надо идти. Впрочем, главное сказано, или, точнее, в сотый раз повторено. И блаженный счастлив, что сказал две или три глупости, пепиньерка торжествует, что выслушала их. «Он любит! — думает она вне себя от радости, — любит! о, да! и я, кажется, люблю... да! да — люблю! ах, душка, ах, милый! Annette! Annette! Он любит, и я люблю!»

На другой день в пепиньерской встают уже медленнее. Что нынче? суббота! ах, противная суббота! целая неделя до пятницы!

Пепиньерка любит! *Honni soit qui mal у pense*.²² Она так чисто, так младенчески, так недолго и непрочно любит, что любовь ее — игрушка! Светская женщина, услышав про такую любовь, презрительно пожала бы плечами и сделала бы *petite moue*.* «Так ли *делают любовь* в свете?» — подумала бы она. А тут и сам блаженный своим характером не позволяет этой любви принять серьезного оборота. Он долгом считает перевлюбиться во всех пепиньерок, и пепиньерка из этого негорького опыта отчасти узнает мужчину и тут же учится быть женщиной, не платя за эту мудреную науку ни страхом, ни слезами, как бывает в свете, ни угрызениями совести, не жертвуя своею скромностию.

Описывая любовь других женщин, в другом месте, нужно бы было по необходимости описать прямое, открытое объяснение, язык страсти, может быть, поцелуй... А здесь... дар описывать сцены любви был бы дар напрасный.²³ Объяснение! поцелуй! в этом заветном убежище, где обитательницы укрыты непроницаемым щитом даже от дуновения ветерка, от сырости тумана! Да там при одном слове *объяснение* побледнеют, кажется, самые стены; при звуке неприлегированного поцелуя²⁴ потрясутся своды, а слово *люблю*, как страшное заклятие, колеблющее ад и вызывающее духов, вызовет целый сонм смущенных начальниц, которые испуганной вереницей принесутся из всех углов, коридоров обширной обители, с зловещим шумом налетят на преступную чету, произнесшую заповедное слово, и поразят ее проклятием. Сама пепиньерка, услышав это слово, умерла бы от ужаса, не дожив до следующей пятницы. Между тем в том же месте беспрестанно раздается слово *обожаю* — и своды не трясутся, стены не бледнеют и начальство покойно.

Любовь пепиньерки есть то же, что у мальчиков игра в лошадки в подражание большим. Ведь девочки, нянча и баюкая куклу, играют же роль маменек, а этот шаг гораздо важнее и дальше всякого другого в жизни женщины, и такая игра еще более наводит на разные преждевременные соображения... между тем она всюду дозволена. Я не понимаю, почему же девушке не поиграть примерно в любовь? И как она играет? Шепчет, задумывается; остается в комнате одна, когда прочие на дежурстве; или ночью, когда они спят, она мечтает, мечтает... то улыбнется, то нахмурится. Что у нее в мечтах? Один Бог в небесах ведает да ее подушка. Есть мечты заветные, остающиеся тайнами и для подруг, даже для подруг. За мечты ручаться нельзя, но за все прочее можно прозакладывать голову. Итак — *honni soit qui mal у pense!*

Пепиньерка умрет, но не выскажет своей любви. Как же узнается последняя? Ее высказывает взгляд неопытной девушки, невольное смущение — словом, неумение обращаться с сердечным бременем, и потом доверенность, сделанная подруге за взаимную откровенность. Но что же из этого выходит? У блаженного, кроме предмета поклонения, есть между пепиньерками нечто вроде друга, которому он поверяет все или, лучше сказать, от которого все искусно выведывает. И тайна подруги — переходит к нему.

* Гримаску, маленькую ужимку (фр.).

Вот, например, пепиньерка, услышав от блаженного стих «На небе много звезд прекрасных», относит его, разумеется, к себе, и в тот же вечер, ложась в постель, или на другой день поверяет это избранной подруге. «Катя, Катя!» или «Мери!» — говорит она и делает значительную мину. Та тотчас постигла в чем дело, и обе идут подальше от девиц, в глушь и дичь сада, где растут заветные яблоки, не доступные ни питомцам, ни пепиньеркам и обогащающие только трапезу эконома.²⁵ «Тайна?» — спрашивает одна. «Тайна! — отвечает та, — только, ради Бога, никому на свете... это такая, такая тайна... ах, какая тайна!» — «Не скажу — никому на свете, ни за что, ни за что! хоть умру...» И шепчут. «Каково же! — восклицает слушательница. — Так и сказал?» — «Так и сказал! Не знаешь ли, душка, что дальше следует в книге?» И если не знают, то поставят на ноги всех братьев и кузней; книга добывается и справка наводится. «Ты счастлива! — говорит подруга, — а я-то...» — и глазки туманятся слезой. «Что с тобой? скажи, душка! ах, скажи! хи-хи-хи!» — «Меня не любит!» — продолжает та. «Как? он тебе сказал?» — «Фи! разве мы говорим с ним об этом! какого же ты обо мне мнения?» — «Да как же ты узнала?» — «Мне сказал его друг. Он говорит, что этот блаженный — хороший человек, Бог знает какой умный! да только, говорит, не верьте ему: он все врет». — «Как врет?» — «Да так: он любить не может. Это в городе уже известно, и ему ни одна городская девица не верит: это мы только такие простенькие... суди, та с'èге, хи-хи-хи...» — «Каково это! — восклицает та, — бедненькая!..»

Часто случается, что блаженный, желая уничтожить соперника, или выместить досаду, или выставить себя более в выгодном свете, или, наконец, для каких-нибудь других видов, роняет другого блаженного во мнении его предмета. Он взводит на него какую-нибудь небылицу или обнаруживает истину, которую тот скрывает. Это на языке блаженных называется *подгадить*. Блаженный, которому подгажено, замечая перемену в предмете, часто не догадывается о причине. Тогда он принимает на себя вид отчаянного и так, ни с того ни с сего, при каждой встрече твердит пепиньерке:

Кто сердцу юной девы скажет,
Люби одно — не изменись? и т. п.,²⁶

а когда догадается, то ударяет себя кулаком в лоб и говорит с досадой: «Кто бы это подгадил мне?» И не узнав кто, начинает сам подгаживать всякому сплошь да рядом.

Так оканчивается любовь — и, посмотришь, через недельку затевается новая и с той и с другой стороны. Я знал блаженных, которые так проворно любили, что, перелюбив всех раза по два, возвращались по порядку к первым любящим в третий раз. Впрочем, есть блаженные, отличающиеся своим постоянством: те равнодушно смотрят на перемены, как *дьяк, в приказах поседельный*,²⁷ и не тревожатся, что предмет их перескакивает из сердца в сердце.

Между тем тайна пепиньерки отправляется далее. Подруга ее, через час после того, встречается с своею избранною подругою и шепчет: «Лиза, Лиза!» или: «Annette, Annettel!» — и делает известный знак. «Тайна?» — «Тайна! Только, ради Бога, никому на свете, никому, никому...» Тут опять следует известная формула клятвы, а потом и тайна. «Такая-то несчастлива!» — «В самом деле?» Шепот. «Каково это!» И так далее секрет переходит к третьей, пребывает, как ходячая монета, у всех в кармане, потом передается в сдачу, тоже при размене важной тайны, и блаженному. И вот через две недели ее знают все пепиньерки и блаженные.

Пепиньерка, чередуясь с другими, выезжает или с начальницами, или с родными в гости, летом за город. Те, которые остаются, провожают ее почти со слезами, повторяя: «Счастливая, счастливая!» Потом не смыкают глаз, ожидая ее

хоть до утра. А та, приехав и несмотря на усталость, не забудет рассказать ни одного обстоятельства из виденного и слышанного. Слушательницы вскакивают с постелей, опять-таки в чем есть, собираются около приехавшей, и начинается — с одной стороны бесчисленные вопросы, с другой — безостановочный рассказ. «Счастливая! ах, счастливая!» — повторяют со вздохом затворницы.

Такова жизнь милой пленницы, пока наконец перед ней не падут затворы и тяжелая дверь не захлопнется за ней навсегда. Но долго, всю жизнь, может быть, хранит она драгоценное воспоминание о неприступной обители. Пройдут годы — помчит ли ее великолепная карета с гербами мимо знакомых дверей: она поспешно опустит стекло, высунется из окна и, забыв вооружиться лорнетом, прямо, просто, по-прежнему устремит глаза на завешенные окна. Бывое зашевелится в ее памяти, и она с улыбкою скажет: «Там, в первый раз...»²⁸

— Что в первый раз? — вдруг спросит дремлющий подле муж.

— Это тайна пепиньерки! — ответит она и прошепчет со вздохом чье-то имя.

— Что, что? какой Иван Алекс.....

Но экипаж уже умчал ее, ветер унес вздох, стук колес заглушил последние слова.

Пойдет ли она скромно, пешком, под ношей горя: остановится против угрю(мого здания), вспомнит Катю, Лизу, Надинь, бла(женных), тайны, — улыбнется сквозь слезы и при(молвит): «Там я была счастливей!»

И плешивый, сгорбившийся бла(женный), обрыскав свет, воротится к невиским берегам.²⁹ Проснувшись в одно утро, он скажет: «Сегодня пятница! пойти-было...» И пойдет, и притащится кое-как, взглянет на колоннаду и задумается с улыбкой. «Хорошо бывало там, — прошепчет он, — помню, о, помню! каково-то теперь? Только кто ж бы это мне так подгадил тогда!» Кряхтя и охая взойдет он на ступени. Ва! да тут другой швейцар! «Не знаешь ли ты, брат, у себя ли инспектриса Марья Николаевна?» — «Да она не инспектриса, а начальница!» — «Ва! А тут ли еще такие-то пепиньерки?» — с трепетом спросит он. Задумается швейцар. «Не знаю-с, позвольте справиться... Да их уж двадцать лет как нет в заведении!» — ответит он потом. Поникнет печально головою экс-блаженный, подобно тому монаху, который, прослушав неприметно тысячу лет пение райской птички, воротился домой и не узнал своего монастыря.³⁰ «Бог знает, — скажет блаженный, — как примет меня новая начальница: она, бывши и инспектрисой, частенько, бывало, выгоняла вон», — махнет рукой и побредет прочь, прошептав: «Пепиньерки, пепиньерки! где-то они, мои голубушки!...»

Жаль, что условия типа не позволяют мне начертать себе на память вещественного образа милого существа, называемого пепиньеркой. А сердце так и рвется, рука так и просится изобразить незабвенный лик. Не дерзнуть ли, презрев все условия и преграды? Нет! нет! Это тайна блаженного, ее знают только пепиньерки, а прочим

Я не скажу, я не открою,
В чем тайна вечная моя!

.....

Что скажут, прочтя все это, пепиньерки?

Что скажут блаженные? а?

Я знаю.

— Каково это! — скажут пепиньерки, — какого он об нас мнения! О противный!

— Подгадил! сильно подгадил! — примолвят блаженные.

* Край рукописи оторван.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Я это потому пишу...* — Эпиграф заимствован из «Евгения Онегина» (глава первая, строфа XXIX).

² *...контрабанда - ни в одном таможенном уставе...* — Вероятно, отголосок служебной деятельности самого Гончарова — переводчика Второго (Таможенного) отделения Департамента внешней торговли Министерства финансов (см.: *Муратов А. Б.* И. А. Гончаров в Министерстве финансов // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976. С. 38—41; *Лобкарева А. В.* Новые материалы о службе И. А. Гончарова в Департаменте внешней торговли // И. А. Гончаров: Материалы международной конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. С. 291—296).

³ *Серый цвет, дикий цвет! Ты мне мил навсегда — и т. д.* — Перефразированные первые строки популярного романа «Черный цвет» (слова П. А. Гвоздева; сообщено В. Э. Вацуру). Ср.:

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил навсегда,
Я клянусь, в другой цвет
Не влюблюсь никогда.(...)
Отчего? — спросит свет,
Я влюблен в цвет теней.
Я скажу: «Черный цвет —
Цвет подруги моей».

(Любимые русские романсы
и песни для одного голоса
с аккомпанементом фортепиано. № 5.
Черный цвет. СПб.: М. Бернгард, [Б. г.]).

Подробнее о популярности этого романа и бытовании его в художественной литературе см.: *Чистова И. С.* О кавказском окружении Лермонтова (по материалам альбома А. А. Капнист) // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 205—206. Ср. также упоминание романа в «Полиньке Сакс» (1847) А. В. Дружинина и в рассказе Н. М. Фумели «Вчера и сегодня» (1849). *Дикий цвет* — серый, пепельный.

⁴ *Природа - дала мне и голос дикий.* — Вероятно, у Гончарова были реальные основания для подобных признаний; ср. в «Лихой болести» замечание о «чудовищном», напоминающем «скрыт немаязаных колес» (I, 354) голосе Никона Устиновича Тяжеленко, в образе которого есть черты автопародии. Возможна также и отсылка к басне И. А. Крылова «Осел» (1815?): «А сверх того ему такой дан голос дикой, Что мой ушастый Геркулес Пораспугал было весь лес».

⁵ *...девушка в шестнадцать лет пристаёт всякая шапка...* — Парафраза из песни третьей «Руслана и Людмилы» (1817—1820): «А девушке в семнадцать лет Какая шапка не пристанет!»

⁶ *...не обожать — нет! — очень хорошо понимают, что обожания не существует* (ср. ниже: *...не обожает, как та, а любит...*) — Обыгрывается характерный для институток обычай когонибудь «обожать». Об «обожании» среди институток см.: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994. С. 83; *Белоусов А. Ф.* Институтка // Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору. Таллинн, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 133—135. Ср. также в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Монастыркам» (1842): «Здесь тлетворное страданье Не тревожит райских снов, Здесь одно лишь — обожанье, Тайнам неба подражанье» (*Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 230).

⁷ *...вольный город, порто-франко...* — Порто-франко (ит. porto franco) — портовый город, пользующийся правом беспощлиного ввоза и вывоза товаров, а также название самого права, введенного для ряда европейских портов в XVI—XVII веках. В России право порто-франко было установлено для Одессы (в 1817—1859 годах, с перерывами) и Владивостока (с 1862 года).

⁸ *...чтение запрещенных в заведении книг.* — По свидетельству А. В. Стерлиговой, «чтение романов, которые иногда контрабандою проникали в институт и читались с наслаждением (...) было строго запрещено. В институте была и своя библиотека, избиловавшая одними „Лучами” и „Звездочками”, которые давали нам читать, и то редко, в старшем классе; иногда классные дамы давали своим избранным книги, более на иностранных языках» (*Стерлигова А. В.* Воспоминания о С.-Петербургском Екатерининском институте: 1850—1856. М., 1898. С. 34). О внеклассном чтении, которое «всячески ограничивалось (вплоть до его запрета) и контролировалось, чтобы оградить институток от „вредных” идей и неблагопристойностей и сохранить в них детскую невинность ума и сердца», см.: *Белоусов А. Ф.* Институтка. С. 139—140.

⁹ *Я не скажу, я не открою, в чем тайна вечная моя!* — Неточно процитированные первые строки популярного романа «Тайна» (1833; муз. А. А. Алябьева, слова А. Ф. Вельтмана):

Я не скажу, я не признаюсь,
В чем тайна вечная моя,
Ее я скрыть от всех стараюсь,

Боюсь доверчивости я.
 Вас не займет она, не тронет,
 Как скучной повести рассказ;
 Так пусть же навсегда потонет
 Она в душе моей от вас.
 Люблю... невольной звук, случайной...
 Не верьте... небо я молю
 Навек оставить грустной тайной,
 Кого я пламенно люблю!

(Денница. Альманах на 1831 год,
 изданный М. Максимовичем. М.,
 1831. С. 138).

¹⁰ ...их простая трапеза! - скатертей, салфеток, отчасти вилок и ножей. — В мемуарах отмечена неприязнительность еды воспитанниц института; ср.: «В пять часов вечера, после классов, приносили большую корзинку с ломтиками черного хлеба с солью и бутылку квасу. Трудно себе представить, с какою поспешностью набрасывались девицы на этот хлеб!» (Ковалевская Н. М. Воспоминания старой институтки. СПб., 1898. С. 3; см. об этом также: Белоусов А. Ф. Институтка. С. 126—128).

¹¹ Не так ли думал Диоген? а ведь он был мудрец. — О греческом философе-кинике Диогене Синопском (ум. ок. 323 до н. э.) сохранилось свидетельство, что, «увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, он выбросил из сумы свою чашку, промолвив: „Мальчик превзошел меня простотой жизни“. Он выбросил и миску, когда увидел мальчика, который, разбив свою плошку, ел чечевичную похлебку из куска выеденного хлеба» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VI, 37 / Пер. М. Л. Гаспарова).

¹² Швейцар сложил свою булаву. — Булава (трость с набалдашником) служила знаком должности швейцара.

¹³ Кто-то одна страстно и жарко - дыханье ее горячо - или крепко сжимает губки. — Парафраза из широкоизвестного в те годы стихотворения В. Г. Бенедиктова «Три вида» (1835); ср.:

Прекрасна дева молодая,
 Когда покоится она,
 Роскошно члены развивая
 Средь упоительного сна.
 Рука, откинута небрежно,
 Лежит под сонной головой,
 И, озаренная луной,
 Глава к плечу склонилась нежно. (...)
 Грудные волны и плечо,
 Никем не зримые, открыты,
 Ланиты негою облиты,
 И уст дыханье горячо.

(Бенедиктов В. Г.
 Стихотворения. С. 63).

¹⁴ ...Богородице — дево! радуйся!.. — Начало молитвы Пресвятой Богородице.

¹⁵ ...идет к столику, в секретный ящик. — А. В. Стерлигова вспоминает, что «между кроватями стояли дубовые столики с выдвигаемыми ящиками, особенными для каждой (...) Ящик запирался на ключ, который мы были обязаны носить в кармане...» (Стерлигова А. В. Указ. соч. С. 16).

¹⁶ От воспитанницы она отличается тем, что выезжает изредка к родным... — Н. М. Ковалевская пишет, что воспитанниц «не отпускали (...) из института ни при каких семейных обстоятельствах (...) за четыре месяца до выпуска я имела несчастье потерять отца (...) и меня не пустили отдать последний долг горячо любимому отцу, обнять, утешить больную, сраженную горем мать! Вот как строго относились к правилу не выпускать ни на шаг из института!» (Ковалевская Н. М. Указ. соч. С. 2).

¹⁷ ...жизнь под старость такая гадость! — Измененная строка из седьмой главы «Евгения Онегина» (строфа XLII): «Под старость жизнь такая гадость...».

¹⁸ ...ах, зубы, зубы! - И нынче иногда во сне Они кусают сердце мне! — Шутливая парафраза ряда стихов первой главы «Евгения Онегина» (строфы XXXI, XXX). Ср. у Пушкина: «Ах, ножки, ножки! где вы ныне?» и «Ах! долго я забыть не мог Две ножки... Грустный, охладелый, Я все их помню, и во сне Они тревожат сердце мне».

¹⁹ Ташка (нем. Tasche — карман, сумка) — гусарская кожаная сумка, висящая сзади на ремнях.

²⁰ Что это у вас как поздно кончилось сегодня дежурство? - Нынче у нас танцкласс!.. — В Екатерининском институте танцами занимались воспитанницы «большого класса» два раза в

неделю, с 6-ти до 8-ми вечера. На этих занятиях, как и на всех других, должна была присутствовать дежурная пепиньерка.

²¹ «На небе много звезд прелестных...»; ср. ниже: «На небе много звезд прекрасных...» — Обыгрывается начальная строка популярного романа «Звезда любви» (слова И. Золотарева, муз. А. Барцццкого (1828), Т. Жучковского (1832)):

На небе много звезд прекрасных;
Но мне одна там всех милей —
Звезда любви, звезда дней ясных
Счастливой юности моей. (...)

(Дамский журнал. 1828.
№ 3. Приложение).

Ср. в седьмой главе «Евгения Онегина» (строфа LII): «У ночи много звезд прелестных...».

²² *Hopni soit qui mal y pense*. — Девиз британского «Ордена Подвязки», основанного 19 января 1350 года королем Эдуардом III; согласно преданию, этими словами он ответил на недоуменные и насмешливые взгляды придворных, когда на одном из балов поднял упавшую подвязку своей любовницы графини Солсбери. Действительное происхождение этой фразы неизвестно; упоминания о ней появляются лишь в позднейших источниках (впервые: *Polydorus Virgilius. Historiae Angliae. Lugduni Batavorum*, 1651). Используется Гончаровым также во «Фрегате „Шаллада“» (том второй, гл. IX), «критическом этюде» «Милльон терзаний» и письмах.

²³ ...был бы дар напрасный. — Реминисценция стихотворения А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828).

²⁴ ...при звуке неприлегированного поцелуя... — Ср. в «Обломове»: «В эти блаженные дни на долю Ильи Ильича тоже выпало немало мягких, бархатных, даже страстных взглядов из толпы красавиц, (...) два-три неприлегированные поцелуя...» (IV, 60).

²⁵ ...в глушь и дичь сада — обогащающие только трапезу эконома. — За зданием Екатерининского института располагался сад, остатки которого сохранились до настоящего времени. Описание институтского сада имеется в воспоминаниях А. В. Стерлиговой (*Стерлигова А. В. Указ. соч. С. 34*).

²⁶ Кто сердцу юной девы скажет — не изменишь? и т. п. — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

²⁷ ...как дык, в приказах поседель... — Цитата из «Бориса Годунова» (1825; сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

²⁸ ...помчит ли ее великолепная карета с гербами — прямо, просто, по-прежнему устремит глаза — с улыбкою скажет: «Там, в первый раз...» — Возможная отсылка к финальной сцене восьмой главы «Евгения Онегина» (строфы XLI, XLVI). Ср. у Пушкина: «Ей внятно все. Простая дева, с мечтами, сердцем прежних дней. Теперь опять воскресла в ней»; также: «...За те места, где в первый раз, Онегин, видела я вас...».

²⁹ ...обрыскав свет, воротится к невским берегам. — Типичная для Гончарова разнохарактерная цитатная нагрузка фразы — с отсылкой к реплике Фамусова в «Горе от ума» (ср.: «Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?» — д. II, явл. 2) и к пушкинской поэтической фразеологии («невские берега», «невский брег» — о Петербурге).

³⁰ ...подобно тому монаху — не узнал своего монастыря. — Сюжет восходит к главе 35 «О славе небесной и радости праведных вечней» «Великого Зеркала», латинского сборника нравоучительных рассказов и легенд (XV век), известного в России с конца XVII века в переводах с польских изданий (текст см.: *Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьбы на русской почве. М., 1965. С. 215—217*). Популярная легенда о монахе, заслушавшемся пения птички и не заметившем, как прошло 1000 лет (по другому варианту перевода — 300 лет), существует как в фольклорных и лубочных версиях, так и в литературных переложениях. Гончарову она могла быть известна, в частности, и по «Райской птичке» (1791) Н. М. Карамзина.

Приложение

Письмо А. Н. Майкову пепиньерок Ахачинской и Поздеевой¹

До сих пор я никак не могу привыкнуть к мысли, что Вас нет здесь, несравненный Аполлон Николаевич! Давно ли это было, что Ваше присутствие увеличивало живость вечеров наших; беседа с Вами иногда расстроивала мою душу (согласитесь, что вы часто бросали камни в источник, хотя и не совсем светлый, и еще более мутили его); иногда же вливалась в нее тихое блаженство и доставляла

¹ Письмо без даты; по содержанию относится к осени 1842 года (ИРЛИ. № 16900).

минуты усладительные; вспомните, с каким, бывало, восторгом мы слушали стихи Ваши. Увы, все прошло! Я живу теперь одними воспоминаниями о этих счастливых днях, проведенных с Вами. — Кажется, давно бы нужно было сродниться с ужасною мыслию, что много, много препятствий поставили между нами человек и природа. Но я все еще не могу; каждый день мне кажется, что я Вас увижу завтра и опять завтра. Разлука, конечно, не такая продолжительная, бывает приятна, ежели есть надежда на свидание; а у нас где она?..

Вы писали, что Вам скучно в Париже, но приедете в Италию и, верно, скажете другое; сколько там пищи найдете Вы для ума, воображения и сердца. В Риме Вы воскресите

...дела минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Там увидите очаровательных Италианок, они обворожат Вас, но обожгут, как Вы сами выразились в одном из своих ответов; неправда ли, это все непрочно, наша же дружба должна быть вечная; умоляю вас, не изменяйте ей. — В разлуке с Вами у меня есть друзья немые: *Ваша книга* и журнал мой, где я пишу все чувства и мысли; зачем не могу его переслать к Вам, Вы бы увидели, что моя привязанность к Вам нисколько не уменьшилась, но еще сделалась крепче.

Вы не ошиблись, письмо Ваше застало Наталью Александровну в кресле, окруженною нами; но Вы не вообразите, в каком ужасном положении. — Она проливала кровь, а мы слезы; но слезы были только на глазах, в груди же у всех нас рыдания. У нее было сильное воспаление; можете представить, что делалось со мною; Вы одни знали и верили, как я люблю Ее. О подробностях ее болезни вам напишет Катерина Федоровна. —

Не надоела ли я вам моею болтовнею; но сейчас кончу. Пожалуйста, пришлите мне *стихи*, которые хотели написать мне в Альбом при отъезде, Вы мне их обещали. Прощайте, прощайте, обожаемый Поэт, веселитесь и будьте счастливы, но, ради Бога, не забывайте нас, которых всегда найдете неизменными к Вам, несмотря ни на какие обстоятельства. —

Расцелуйте ручки за нас у Николая Аполлоновича.

М. Ахачинская

Ах, здравствуйте, Аполлон Николаевич! наконец-то я могу с Вами говорить, вы слушаете меня, но что же мне Вам сказать? с чего начать? я хотела бы очень многое передать Вам, да что-то не пишется; то ли бы дело, если б вместо письма я сама к Вам прилетела, хотя на пять минут; тогда я уверена, что, хотя я бы и все время молчала, Вы бы более прочли и поняли бы радость этой возможности с Вами беседовать, чем теперь.

Вы не предвидите того, что письмо Ваше нас застало в таком положении, что ежели бы Вы вместо него пришли, то сердце бы Ваше разорвалось; а письмо! оно осталось целешенько, уж видно, что кусочек бумажки — только он мог вынести это зрелище. Правда, вы угадали — владетельница Парнаса сидела в креслах и мы все вокруг нее, но не на коленках, не с блаженством в душе, мы не смеялись, или, лучше сказать, не хохотали (кажется, это более всего нас характеризует), нет, не то, Аполлон Николаевич, мы рыдали, как только могут пепиньерские души рыдать при виде сграданий их любимой особы. Никогда пунцовое кресло Натальи Александровны мне не казалось такого светлого цвета, как теперь, потому что из руки, опершейся на его ручку, в 2 ручья текла кровь, которая, мне кажется, забыла, что настоящий цвет ее пунцовый, она превратилась в дегтярный цвет; и какого же мы в эту минуту должны были показывать вид хладнокровия, чтоб только Ангела не перепутать; но когда вдруг она вся посинела и, обернувшись к

нам, сказала: «Прощайте, Mesdames» — ах! что тут было с нами, я думала, право, что придется ходить в чепчике, потому что половина волос моих у меня была в руках, да не знаю, какой-то добрый гений поддержал корни и они остались невредимыми. У нее было сильное воспаление, болезнь ее началась с пятницы, в субботу ей ужас как было худо, пускали кровь, ставили пиявки в воскресенье, все еще очень худо, а сегодня понедельник, слава Богу, лучше, и это-то причиной, что я сегодняшний день ничего более не сделаю, как напишу Вам письмо, а остальное время буду петь: Слава в вышних Богу и на земле мир, мир, мир!!! —

Ах, а propos de пения, Ваши романы чаще всех у меня под рукой, да правда: *Всему приходит свой черед*; пришел несносный черед, что мы не вместе, грустно как без Вас, неоцененный Аполлон Николаевич, и этот же самый Ваш роман утешает меня в том, что придет черед нам и свидеться, а веселым часом для меня бывает то время, когда мы получаем о Вас известия. — Я чуть-чуть было не схватила горячку, но нет, слава Богу, это прекратилось только трехдневным жаром и теперь я здоровее обыкновенного, может быть, а впрочем, не знаю. — Маленький красенький диванчик, на котором вы часто сидели по пятницам, горюет и плачет о вас нашими слезами. — Если бы я вам написала все уверения дружбы, которые просят меня наши вам передать, то и почта бы отказалась от такого тяжелого письма! Прощайте, добрый, несравненный Аполлон Николаевич, и держитесь правил того ответа, которого вопрос Вам был дан мною, с умыслом: Кого Вы предпочитаете: Француженку, Италианку или Русскую. Вы твердо указали на последнюю; держитесь и не изменяйтесь.

Поздеева. —

© Е. Г. Водолазкин

ОБРАЗ СЕРАФИМА САРОВСКОГО В «ЗАПЕЧАТЛЕННОМ АНГЕЛЕ» ЛЕСКОВА

Для подтверждения важности темы святости, праведничества в литературе конца прошлого века хватило бы упоминания о глубоком интересе к ней со стороны Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, во многом определявших духовное и культурное сознание своего времени. Но особое место в разработке этой темы принадлежит несомненно Н. С. Лескову. «Почти в любом произведении Лескова (и на этом основании его долго считали ортодоксально «религиозным» писателем), — отмечает Б. С. Дыханова, — обнаруживается связь с житийными образами».¹ О лесковских праведниках существует большая литература, мы же остановимся на одной, не слишком пока освещенной теме — отражении в творчестве Н. С. Лескова образа преподобного Серафима Саровского.

Мысль о том, что прототипом Памвы из «Запечатленного ангела» Н. С. Лескова послужил Серафим, была высказана еще в 1916 году.² Это наблюдение С. Н. Дурылина, вполне естественное для человека дореволюционного воспитания, в позднейшем лесковедении развития не получило. Вместе с тем факт этот представ-

¹ Дыханова Б. С. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова. М., 1980. С. 161.

² Дурылин С. Н. О религиозном творчестве Н. С. Лескова // Христианская мысль. Киев. 1916. № 11. С. 85. Подобное же замечание о прототипе Памвы содержится в исследовании А. А. Измайлова. К сожалению, этот объемистый труд так и не был опубликован. См.: Измайлов А. А. Лесков и его время. Рукопись // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. № 5д. Гл. 9. Л. 7.

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

1997

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. С. Лихачев. Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе	3
Вольф Шмид (ФРГ). «Пиковая дама» А. С. Пушкина (проблемы поэтики)	6
И. В. Козлик (Украина). Романизация лирики Н. А. Некрасова («панаевский» цикл)	29
В. Н. Криволапов. Вспомним о Штольце	42
В. А. Туниманов. Poleмика Л. Андреева со статьями М. Горького «О „карамазовщине»» и «Еще о „карамазовщине»»	67
Л. А. Запалова. Источники текста и «тайны» рассказа-повести «Иуда Искариот»	83
Е. В. Невзглядова. Об интонационной природе русского стиха (оппозиция: стих — проза)	99

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Г. В. Стадников. О комментариях к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Завещание»	108
А. Ю. Балакин, А. Г. Гродецкая. Неизвестный очерк И. А. Гончарова «Пепиньерка» (из материалов академического полного собрания сочинений)	114
Е. Г. Водолазкин. Образ Серафима Саровского в «Запечатленном ангеле» Лескова	136
С. Л. Франк. Максим Горький (публикация и перевод А. А. Ермичева и В. П. Курапиной)	141
В. П. Купченко. И. В. Гете в творчестве М. А. Волошина	145
В. В. Попов. «Единый фронт» (о романе Эренбурга, так и не напечатанном в России)	155
Ф. А. Раскольников (США). Идея «скрещения» в романе Пильняка «Голый год»	169
Андрей Платонов. Кухонный мужик Советского Союза (очерк) (публикация В. В. Перхина)	175
Роберта Де Джорджи (Италия). Беседы с Александрой Ивановной Федоровой (Вагиновой)	182
А. Л. Дмитренко. К публикации ранних текстов К. Вагинова	190